

В ноябре минувшего года исполнилось 95 лет со дня рождения Михаила Петровича Лобанова — литератора-мастера и человека не только большого художественного таланта, смелости и прямоты, но также и огромной душевной щедрости. Известны слова античного мудреца Сократа: «...Если бы кто захотел сблизиться с самым никчемным из лаконцев, то на первый взгляд нашел бы его довольно слабым в речах. Но вдруг, в любом месте речи, метнет он, словно могучий стрелок, какое-нибудь точное изречение, краткое и сжатое, и собеседник кажется перед ним малым ребенком». Вот это (кроме, конечно же, уточнения о «самом ничтожном» из лаконцев) как-то неожиданно точно характеризует Михаила Лобанова. Православный спартаец. Стоик новых времен. И самый близкий для меня человек из поколения победителей, из тех, кто отстоял нашу Родину от самого организованного и беспощадного врага за всю ее историю.

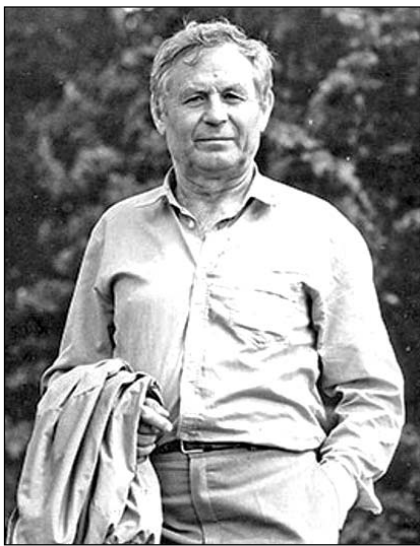
Я поступил в Литинститут в 2001 году вскоре после школы восемнадцатилетним угловатым юношей. За творческий конкурс я почему-то был внутренне очень спокоен — знал, что пройду (перечитав свое творение позже, я понял, что был излишне самоуверен).

Фигура конкретного мастера семинара тогда не казалась мне особенно важной для моего внутреннего развития — главное было поступить, зацепиться за столичный вуз, «утереть нос» всем скептикам и недоброжелателям там, в глухой и вязкой провинции. Честно говоря, сначала нелегко было воспринять Михаила Петровича как духовно близкого человека — тут и разница в возрасте (Лобанов был на три года старше моего покойного деда) и, прежде всего, какая-то подчеркнутая немодность его мыслей, их явный противоход многому

из того, что принято было думать и говорить.

Вскоре оказалось, что он ничуть не боялся ниспровергать авторитеты: ни литературные, ни политические. Под огнем его критики могли очутиться и Солженицын, и Кафка, и Набоков — те самые писатели, доступ к творениям которых долгое время был серьезно ограничен, зато потом они вдруг оказались перед нами в роли абсолютных непрекаемых величин. Для большинства первокурсников, а также любопытствовавших вслывшателей такая твердость, последовательности и такая прямота жизненной позиции нередко вызывались шоком.

При этом Михаил Петрович открывал нам с новых сторон необычайно любимых и до тонкости изученных им Андрея Платонова и Михаила Шолохова,

Михаил Лобанов

полузабытого на тот момент Леонида Леонова, великолепного американского романиста начала прошлого века Томаса Вулфа — огромный и важнейший пласт литературы; литературы, бывшей не на слуху, не «взбивавшей пену», но способной как проникнуть вглубь человеческой души, так и вскрыть самую суть социальных отношений.

Обсуждения всегда шли подолгу — не меньше трех часов, с шести вечера до десятого часа. Зачастую по зданию уже ходил охранник и проверял, все ли двери заперты. А мастер старался что-то договорить, донести нечто важное до сознания своих усталых учеников. Часто казалось, что он отвлекается, говорит не о том — вспоминает то о фронтовой юности, то о своем друге и единомышленнике Вадиме Кожинове, то о приключившемся в 60-х годах горячем споре с Константином Воробьевым, добавляя, что считает Воробьева одним из талантливейших писателей... И вдруг происходит что-то совсем другое — мастер «вспоминает» о тексте и стремительно всего за две-три минуты разбирает его по косточкам, ясно вскрывая все слабые места, о которых сам автор, в лучшем случае, только смутно догады-

вался. Но в каждой разбираемой вещи, даже самой неубедительной, Михаил Петрович искал (и неизменно находил) проблеск таланта, живой оборот — то, ради чего нужно продолжать писать дальше.

Порой (нечасто) среди сокурсников звучали разговоры о том, что наш мастер мало делает для публикаций своих учеников. Уже по окончании вуза я узнал, как в советское время он с неимоверными трудами доставал путевки в литературную жизнь многим талантливым ученикам. Не раз с затаенной болью вспоминал Михаил Петрович о своем ученике из первого «призыва» — Георгии Белякове, который имел все данные, чтобы стать большим русским писателем, но в силу многих обстоятельств им не стал. И как много лет спустя после выпуска бывший ученик прислал учителю свою фантастическую повесть, в которой не оказалось и следа прошлого таланта. «И тогда я понял — сломался мой Георгий...»

Михаил Петрович останется для меня Учителем в самом высшем смысле слова — он всегда старался помочь сформироваться молодой талантливой личности и подготовить ее к реальным опасностям человеческой судьбы и тому, что принято называть «литературной карьерой». Однажды на семинаре он сказал примерно так: «Одного таланта мало. Талант должен осознать себя и уметь защитит и развить все самое ценное, что в нем есть, несмотря на все нападки и любые обстоятельства». Для меня это стало одним из важнейших уроков мастера.

Необыкновенно скромный, он при этом особенно ответственно относился к своей деятельности: не как к работе, а как к важнейшему служению. Однажды уже на старшем курсе я зашел на семинар позже и подал мастеру руку. Он молча пожал ее, но посмотрел так долго и так пронзительно, что я вдруг понял, что нарушил какой-то важный ритуал. Уже позже мне встретился похожий случай в автобиографии святителя Луки Войно-Ясенецкого:

«Когда мы вошли в избу, хозяин ее протянул мне руку. Я спросил: “Ты разве не православный? Не знаешь, что у архиерея просят благословения, а не руку подают?” Это, как позже выяснилось, произвело очень большое впечатление на конвоировавшего меня милиционера».

Вот примеры того, как человек добрый и мягкий в личном общении вдруг обретает твердость и негибаемость, которую придает только истинная вера.

Лобанов — самый близкий для меня человек из поколения победителей, из тех, кто отстоял нашу Родину от самого организованного и беспощадного врага — мы до сих пор слабо представляем масштаб той катастрофы, которая обязательно бы случилась, если бы солдаты тогда дрогнули, если бы пожалели свои жизни и сдались. Он из поколения тех, кому уже в ранней юности вместо вузовских экзаменов пришлось сдавать главные экзамены в своей жизни — под обстрелами и бомбежками. Миллионы из них не вернулись с фронтов сражений. Не вернулись, возможно, новые Пушкины и Толстые. Михаилу Петровичу «повезло» — после тяжелого ранения в битве на Курской дуге ему уже не позволили вернуться на фронт, и он окупнулся в гражданскую жизнь, где продолжил бороться — нередко замещая, закрывая собой других, детей и внуков.

И в свете этого прогремевшая в свое время его статья «Освобождение» (о романе Михаила Алексея «Драчуны», посвященном жизни русской деревни

на рубеже 20–30-х годов) теперь видится героической попыткой без глобальных потрясений разрешить, «разминировать» внутренние проблемы, закопанные глубоко в истории. Эта попытка не удалась в полной мере — уже в моем детстве исторические мины взорвались в головах и эти взрывы привели к тяжелейшим последствиям.

Мы общались полтора десятка лет. Кроме более-менее регулярных «зажиганий» на семинары по окончании вуза, дважды в год многие из нас звонили мастеру по особым случаям — в день его рождения и в День Победы. Дозвониться к нему тогда бывало трудно, но днем или уже вечером мне это всегда удавалось. И как хотелось верить тогда, что — вопреки возрасту и болезням — это общение, эта духовная поддержка не закончатся еще очень долго!

В отношении своих личных заслуг Михаил Петрович был необыкновенно скромнен, чаще всего он иронично пресекал все славословия в свой адрес. Непросто было выбрать момент для любой благодарности. Чаще оставалось надеяться, что твоя искренность понятна без слов. И потому сейчас я привожу памятные слова Ивана Сергеевича Аксакова, которые были девизом моего учителя: «Надо уметь стоять за Россию не только головами, но и головою... не одним оружием военным, но и оружием духовным». Стоять, чтобы с живым примером Михаила Петровича в сердце принять эстафету Победы.

Александр ЕВСЮКОВ